

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Politologica X (2013)

Бронислав Табачников

Военное положение в Польше (1981 г.) и революционные преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

...Люди сами творят свою историю... в тех обстоятельствах, в которых они оказались...

Карл Маркс

...Потомки должны судить о людях мерками времени и обстоятельств, в которых им пришлось жить и работать

Наполеон Бонапарт

...Все примирения основаны на усталости

Анатоль Франс

Неумолимое время приближает нас к четвертьвековому юбилею революционных преобразований в центре Европы (1989 г.). Лавина событий сколь решительных, столь и неотразимых обрушила сложившиеся здесь за послевоенные десятилетия авторитарно-бюрократические режимы. Имевшие место процессы развивались с пугающей быстротой и отличались редкостной радикальностью результатов. Они втянули в свою орбиту Польшу и Венгрию, ГДР и Чехословакию, Болгарию и Румынию. Если же учесть, что Югославия также вступила в полосу революционных перемен, то нетрудно подсчитать, что в орбиту общественного обновления были вовлечены 7 стран с общим населением около 140 миллионов человек. Но политическое значение революций 1989 года никак не может быть сведено только к рамкам региона. Смысл их несравненно шире.

В первую очередь бросается в глаза масштабность событий. Во-первых, они создали качественно новый политический ландшафт в указанных странах; во-вторых, изменили расстановку сил на европейском континенте; в-третьих, заметно поколебали блоковую систему отношений, сложившихся на мировой арене; в-четвертых, поставили в повестку дня германский вопрос, который вскоре на удивление быстро был решен; в-пятых, оказали воздействие на перестроечные процессы в Советском Союзе; в-шестых, повлияли на состояние дел в коммунистическом движении, фактически обрушив его, и, наконец, практически отправили в историческое прошлое «мировой социализм» и «содружество социалистических стран». Все это дает нам основание поставить революции 1989 года в один ряд с крупнейшими событиями

XX века. Они подвели черту под более чем 40-летним периодом монопольной власти коммунистических партий в этих странах, и оказали глубокое влияние на дальнейшие судьбы Европы и всего мира.

Разумеется, предпосылки столь радикальных перемен не могли возникнуть неожиданно и одновременно. Они вызревали годами, трансформируясь в массовые движения, которые то, наступая, то, отступая, в конечном счете, опрокинули несущие конструкции послевоенного социалистического уклада.

В предлагаемой читателю статье рассматриваются события в Польше на рубеже 70–80-х гг. XX века, которые привели к возникновению независимого профессионального объединения «Солидарность», к жесткому противостоянию этой по преимуществу рабочей организации с коммунистической властью в лице функционировавшего в ту пору правительства и Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), введению в результате конфронтации между ними военного положения (декабрь 1981 г.) и ликвидации в конце 80-х гг. Польской народной республики, просуществовавшей чуть более 40 лет.

Начнем, однако, наше повествование не с Варшавы, а с Хельсинки, где в 1975 года Запад фактически признал особую сферу влияния СССР в Восточной Европе и таким образом придал коммунистической власти в России дополнительную легитимность. Для Запада это был не простой шаг, он вызвал внутри блока шквал критики. Советское руководство на том Совещании по безопасности международному сотрудничеству тоже пошло на опасный компромисс, согласившись впредь соблюдать общеевропейские ценности в гуманитарной сфере. Прежде всего, это касалось прав человека, что повлекло за собой открытие шлюзов для правозащитного движения в СССР и других странах Восточной Европы. И сразу же в Польше (и других странах социализма) стали появляться политические организации, мгновенно дистанцировавшиеся от коммунистов и от них абсолютно не зависимые. Так, например, огромное значение имел созданный в Варшаве в середине 70-х известными общественными деятелями Адамом Михником и Яцеком Куронем Комитет защиты рабочих (КОР).

Летом 1976 года по стране прокатилась очередная волна стачек, которая дала мощный толчок формированию блока, равного которому по силе не появилось ни в одной из восточноевропейских стран. К рабочим балтийского побережья стали присоединяться видные представители варшавской элиты, все глубже осознававшие необходимость осуществления серьезных перемен, а также краковская католическая интеллигенция, опиравшаяся на мощную поддержку Костела, никогда, даже в самые трудные годы, не терявшего авторитета в самых разных слоях польского общества. В стране вполне рельефно обозначился весьма опасный для власти тандем в лице рабочего класса и интеллигенции. Реформы, способные поднять авторитет власти, сдержат нарастающее оппозиционное движение, а, главное, ослабить социально-психологические предпосылки стихийного революционного экстремизма явно запаздывали. Уступки же власти, о которых мечтали еще вчера, воспринимались как недостаточные. Они не производили должного эффекта, не влияли на общественное мнение, все более единодушного

в своем настроении: так жить нельзя! В 1978 году в Гданьске началась работа по созданию свободных профессиональных союзов, и уже очень скоро возник независимый профсоюз «Солидарность», который возглавил 37-летний электрик Гданьской судовой верфи Лех Валенса. Через некоторое время этот сравнительно молодой человек не просто укрепил свою известность, но стал неформальным лидером страны, персоной, с мнением которой вынуждены были считаться и в партийно-правительственных кабинетах, и в рабочих и интеллигентских кругах. Сегодня, с высоты прожитых лет, многим кажется, что ведомая «Солидарностью» Польша быстро двигалась в сторону демократии и рынка, но движение это было искусственно прервано военным переворотом декабря 1981 года. Именно эту версию событий четвертьвековой давности предлагают нынешней Польше правые силы, затеявшие в 2008 году от имени и по поручению Института национальной памяти постыдный судебный процесс над генералом Войцехом Ярузельским и его соратниками. Суть обвинения, предъявленного по версии Прокуратуры ИНП «преступной вооруженной группе» как раз и заключается в том, что введение военного положения 13 декабря 1981 года насильственно прервало движение страны к свободе, социальному прогрессу и экономическому процветанию в обществе западноевропейских демократий. На самом деле историческая ситуация была куда более сложной и противоречивой.

Заметим, что современный народ в отличие от племени представляет собой плюралистическую общность, объединенную культурой, историей, ментальными характеристиками, но вбирающий в себя неодинаковые мировоззренческие ценности, непохожее миропонимание, различные варианты исторической памяти. Польское общество в целом никогда не принимало точку зрения, по которой в 1945 году немецкая оккупация сменилась советской. В противном случае большинство поляков должно было принять обвинение в коллаборационизме по отношению к нелегальной и по сути оккупационной власти. Да, граждане Польши хорошо понимали ограниченность суверенитета страны, но после горячих событий осени 1956 года, когда удалось разжать жесткий сталинский обруч, трактовали Польшу как свое народное государство. В социалистическом лагере, одетом в первые послевоенные годы в шинель СССР-овского покроя, это была наиболее свободная страна, отстаивавшая религиозную и культурную свободу, личные права граждан, утвердившая толерантность как непреходящую ценность и норму жизни. Именно благодаря всему этому «Солидарность» сумела во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX столетия сплотить вокруг себя огромное количество поляков, и очень многие из них вовсе не жаждали гибели социализма, который принес на польские земли немало воистину исторических завоеваний – ликвидацию безработицы и перенаселенности деревни, индустриализацию и всеобщую грамотность, подъем культуры и искусства, лучшие образцы которого стали известны всему миру.

Между тем в последней трети XX века речь шла уже о других достижениях и другом качестве жизни. Очевидное экономическое и технологическое отставание от стран Западной Европы, невысокий жизненный уровень боль-

шинства населения, неспособность освоить и поставить себе на службу достижения научно-технической революции делали реальной перспективу превращения страны в государство второго или даже третьего ряда. Это побуждало здоровые, адекватно мыслящие силы на всех уровнях польского общества к действию, к стремлению как можно скорее приступить к экономическим и политическим реформам. В Польше, впрочем, как и в остальных странах социализма, назревала революционная ситуация особого рода. Ее отличительной чертой было отсутствие политического механизма, способного не просто уловить, но и действенно отреагировать на проявившийся внутренний конфликт. Авторитарно-бюрократический режим, лишенный обратной связи, не мог сколько-нибудь эффективно ответить на вполне очевидные общественные сдвиги. Реформы – экономические, политические, социальные – властно требовали проведения, но начало их постоянно откладывалось, поскольку с каждым днем нарастала волна забастовок и волнений. Их своеобразным пиком стали августовские события 1980 года в Гданьске, где забастовочный комитет провозгласил 21 требование, преимущественно серьезного экономического характера. Рабочие требовали поднятия уровня заработной платы, компенсационных выплат всем участникам за весь период забастовок, индексации заработных плат в соответствии с инфляционным ростом, полного обеспечения внутреннего рынка продуктами питания и т.д. Даже частичное удовлетворение этих требований привело к 25% росту выплат, который сопровождался одновременно 18% спадом продукции. Лавина пустых денег моментально опустошила рынок. Не хватало не только продуктов питания, но лекарств, средств гигиены, горючего. На полках магазинов оставался один уксус. «Солидарность», наступая на слабую коммунистическую власть, целенаправленно вела дело к дезорганизации и в конечном счете к экономическому коллапсу. Головной болью руководства страны стало требование нерабочих суббот. Выполнение его грозило обернуться существенными потерями. Однако многих деятелей «Солидарности», особенно на региональном уровне, это совершенно не беспокоило. Они считали, что чем хуже, тем лучше. Даже Валенса в ноябре 1981 года заметил: «Я стремлюсь погасить одну забастовку, но 10 других разгораятся с новой силой»¹. Поддержка обществом «Солидарности» свидетельствовала о том, что широкие социальные слои, и прежде всего рабочий класс, не приемлют, более того, протестуют против форм и методов осуществления власти ПОРП. В основе этого протеста лежало тотальное отчуждение практически всех социальных групп (исключая правящий класс) от власти и собственности, хотя последнее не было столь тотальным, как в СССР, если учесть особенности сельского хозяйства в Польше. Так или иначе, единовластие коммунистов заканчивалось.

На смену ему приходило партнерство с профессиональными союзами в качестве равноправного феномена политической системы.

На заседании Политбюро ЦК ПОРП, состоявшемся 24 марта 1981 года, генерал В. Ярузельский, возглавлявший Правительство, утверждал «...нужно

¹ „Sztandar Młodych” 1–3 maja 1981.

использовать все варианты, сделать все, чтобы конфликты, существующие между властью и «Солидарностью» разрешались мирным путем. Таково наше обязательство по отношению к собственному народу и мировому сообществу»². И действительно переговоры шли на всех уровнях и по всем азимутам, но сколько-нибудь удовлетворительного результата они не приносили. Обе политические силы, увы, не были готовы к сотрудничеству, к достижению конструктивных и действенных соглашений, которые исключали бы конфликты и социальную напряженность. Веры в порядочность, добрую волю, искренность друг друга было ничтожно мало, если она вообще существовала... Предстоял долгий путь и мучительное накопление горького опыта, чтобы в конце концов сесть за круглый стол и начать договариваться, поскольку к началу 80-хх гг. возможности собственно авторитарно-бюрократической системы, похоже, были исчерпаны.

Между тем экономическая ситуация в стране становилась все безнадежнее, чему в немалой степени способствовала позиция руководства СССР. В те годы его отношение к Польше и ко всему, что там происходило, можно глубоко понять и оценить лишь в общем контексте отношений между Западом и Востоком, еще конкретней, в свете советско-американского противостояния.

...В 80-е годы отношения Восток–Запад после некоторой разрядки вновь обострились. 17 июля 1981 года в Женеве провалом окончился первый раунд советско-американских переговоров по стратегическим вооружениям. В таком же тупике оказались переговоры в Вене представителей стран НАТО и Варшавского договора по вопросам сокращения вооружений в Европе. Президент США Р. Рейган занял непримиримую позицию. 2 октября 1981 года в США было объявлено об ускорении работ по улучшению качества вооружений, и в частности, о появлении нейтронного оружия. Нервная реакция Кремля последовала незамедлительно. Снова повеяло ледяными ветрами холодной войны. В этот момент Польша стала своеобразным полигоном перекрещивающихся интересов великих держав. Оба гиганта не могли примириться с угрозой потери хотя бы частицы влияния в странах, жестко опекаемых ими на протяжении послевоенных десятилетий. На этом фоне действия «Солидарности», ее ярко выраженный антисоветизм, острая критика коммунистического всевластия грозили нарушить сложившийся баланс сил, поскольку и СССР, и США видели в Польше стремительно слабеющее звено восточного блока. Геронтократическое руководство СССР на разворачивающиеся в Польше события реагировало привычно – способом жесткого давления. Едва ли не на три четверти были сокращены поставки энергоносителей, никеля, алюминия, целлюлозы, хлопка... Дважды в 1981 году в Варшаву приезжал Председатель Госплана СССР Николай Байбаков, требовавший от руководства наведения порядка в стране, без которого рассчитывать на полномасштабную помощь, а стало быть, и экономическое благополучие невозможно. Особенно остро со-

² *Wyjaśnienia gen. Wojciecha Jaruzelskiego złożone przed Sądem Okręgowym w Warszawie w dniach 25 września, 2, 6, 14, 21 i 28 października 2008 roku w procesie dotyczącym wprowadzenia stanu wojennego*, „Przegląd” 2008, nr 46.

ветское руководство ставило вопрос о нарастании антисоветской кампании, о воспитании в польской среде враждебности и ненависти к СССР, о попытках вырвать Польшу из социалистического содружества и уничтожить социализм в самой Польше. В Москве особое беспокойство вызывала перспектива ухудшения польско-советских отношений, невыполнение Польшей обязательств перед СССР и ослабление вследствие этого социалистического содружества. Кремль выражал уверенность в том, что польские власти всех уровней предпримут решительные шаги с целью прекращения злобной антисоветской пропаганды и вражеских выпадов. Все это было серьезно, поскольку аналогичная ситуация уже имела место в 1968 году в Чехословакии. Однако в отличие от Польши советских войск в ту пору в Чехословакии не было.

Следует сказать, что напряженность нарастала и в отношениях с другими членами социалистического содружества. 2–4 июля 1981 года генерал В. Ярузельский участвовал в совещании Совета экономической взаимопомощи, проходившем в Софии. Скрепя сердце, он вынужден был выслушивать упреки по поводу невыполнения Польшей кооперативных поставок и обязательств по кредитам, предоставленных ГДР. Лидеры социалистических стран апеллировали к общественному мнению своих народов, представители которых задавали непростой вопрос: «почему мы должны помогать полякам, если они постоянно бастуют»³.

В этой ситуации в Варшаве в июне 1981 года открылся Пленум ЦК ПОРП, предварявший IX Чрезвычайный съезд партии, намеченный на июль. Открывало пленум строгое письмо руководства КПСС к членам Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии.

Документ этот был полон недовольства отсутствием принципиальной позиции руководителей ЦК ПОРП по отношению к «Солидарности». Жесткие упреки содержались в адрес Станислава Кани (Первый секретарь ЦК ПОРП) и Войцеха Ярузельского, возглавлявшего Правительство, по поводу того, что они не борются с противниками социализма. Такая постановка вопроса означала, по сути, вотум недоверия, который «старший брат» объявлял руководству Польской объединенной рабочей партии. За этим, естественно, должны были последовать серьезные кадровые изменения. Однако как бы ни были остры противоречия внутри самой ПОРП, где непримиримо дискутировали между собой консерваторы и сторонники основательных и серьезных реформ, на смену руководства, завуалировано предложенную московскими товарищами, ни те, ни другие не согласились. Кремль оказался на распутье. Само возникновение «Солидарности», ее громадная численность (10 миллионов) и активная деятельность были восприняты Москвой с удивлением и острым неприятием. Советские руководители никак не могли взять в толк, как в монолитном социалистическом сообществе мог появиться независимый и самостоятельный рабочий профсоюз, открыто и активно взбунтовавшийся против господства партии. В Москве для решения этой проблемы был создан так называемый кризисный штаб (1980 г.), чуть позже его

³ Там же.

стали именовать Польским клубом, в который вошло высшее руководство КПСС – Устинов, Русаков, Сулов, Андропов, Громыко и Горбачев. В заседаниях штаба участвовал Черненко.

В начале декабря 1980 года мир облетела весть о том, что американские спутники обнаружили на территории Западной Украины и Белоруссии значительное скопление советских войск, вооружений, танковых колон, готовых к вступлению на польскую землю. Скорее всего, это была акция устрашения, попытка психологического давления не только на руководство, но и на непокорную, всегда готовую к самопожертвованию и защиту отечества нацию. Открывать еще один фронт (афганский к этому времени полыхал вовсю), в очередной раз попадать под определение «агрессор» и суровую тотальную критику мирового общественного мнения кремлевским ветеранам, чувствовавшим себя физически все слабее, смертельно не хотелось. Но и мириться с прецедентом, заметно ослаблявшим социалистическое содружество, недвусмысленно ставившим под вопрос руководящую роль партии, было опасно. Вот почему лучший выход виделся в решении вопроса собственно польскими силами, к чему и подталкивал Кремль товарищей из Варшавы, держа при этом на близ лежащем «запасном пути» хорошо вооруженный «бронепоезд».

Между тем экономическое положение в стране стремительно ухудшалась и жизнь людей становилась все хуже и хуже. В этой ситуации власть вынуждена была пойти на серьезные кадровые перемены, поскольку наряду с людьми компетентными, деловыми, ответственными на разных этажах управленческой иерархии было немало карьеристов и бюрократов, склонных к кумовству и коррупции. С сентября 1980 года до апреля 1981 года было отозвано с должностей 26 первых секретарей воеводских комитетов ПОРП, 7 руководителей отделов ЦК, 19 инспекторов ЦК, 13 министров, 40 вице-министров, 49 руководителей департаментов, 18 воевод, 26 вице-воевод. Часть из этих людей была предана суду за злоупотребление служебным положением. Не обошлось без серьезных перестановок и отставок в Войске Польском.

В целом обстановка в стране в начале 80-х гг. характеризовалась следующими чертами:

- резким понижением материального уровня жизни основной массы польского населения;
- катастрофическим сокращением объемов производства вследствие непрерывных забастовок, охвативших значительную часть промышленных и перерабатывающих предприятий, и в связи с крупными (до 75%) недопоставки из СССР сырьевых ресурсов;
- заметным падением трудовой и бытовой этики, усилением апатии, равнодушия, ростом преступности и тюремных бунтов, анархизацией всего жизненного уклада;
- безуспешными попытками власти наладить эффективный переговорный процесс с «Солидарностью», ее политическими союзниками и Церковью;
- заметным ростом напряженности в отношениях с СССР и другими странами социалистического содружества (Чехословакия, ГДР), постоян-

ной угрозой интервенции со стороны этих стран при заметной активизации Северной группы советских войск, дислоцированных в Польше;

– отсутствием сколько-нибудь действенной поддержки со стороны крупнейших стран Запада, не желавших нагнетания и без того опасной напряженности на линии Запад–Восток.

К середине 1981 года в стране сложилось своеобразное двоевластие, некий довольно хрупкий, баланс сил. «Солидарность» еще не могла взять власть, хотя некоторым ее лидерам, мыслившим поверхностно-упрощенно, казалось это делом нетрудным и вполне достижимым. С другой стороны, власть (правительство, сейм, партийные органы в центре и на местах) уже фактически ситуацию не контролировали, ограничиваясь бесплодными призывами к согласию и умиротворению. Ослабить влияние «Солидарности», нейтрализовать ее деструктивные усилия верхи явно были не в состоянии. Пользуясь этим, лидеры «Солидарности» не только стремительно утрачивали чувство реального, но и накапливали, что было весьма заметно, негативные черты. Движение, по сути, превращалось в авторитарную структуру с ярко выраженным оттенком шовинизма. Лидеры его всеми силами избегали дискуссий, не принимали инакомыслия, не терпели критики. Сам «великий электрик», то бишь Лех Валенса все более стремился походить на вождя, стоящего на недостижимой высоте. Он, как и многие его коллеги, и соратники, зачастую уже не мыслил политическими категориями, подменяя их мистикой. На авансцену политической жизни все чаще стали выходить люди малокомпетентные, жаждавшие при помощи радикальных лозунгов и нахрапистого поведения сделать карьеру.

Первый съезд «Солидарности» (лето 1981 г.) содержанием и тональностью выступлений его делегатов, демагогическими формулировками резолюций вполне определенно подрывал идею компромисса, игнорируя возможность любого соглашения с властью⁴.

На съезде были провозглашены независимость и полная самостоятельность профсоюзов. Умеренность, постепенность и осторожность, к которым призывал Костел, услышаны не были. Спираль радикализма раскручивалась стремительно, атмосфера тотального беспредела ощущалась все сильнее. Это было тем более опасно, что «Солидарность» имела практически свободный доступ к средствам массовой информации и весьма динамично влияла на формирование общественного мнения. Власть оказалась в глухой защите. «Солидарность» атаковала, покушаясь на конституционный порядок и компетенции государства.

Характерное событие имело место 24 февраля 1981 года. В этот день организация «Солидарности» района Мазовше с участием группы тракторного

⁴ На любопытную особенность этого съезда обратил внимание В. Ярузельский, выступая перед судьями Окружного суда: «Съездом была избрана программная комиссия, в которой работало 13 тематических групп. И наибольшее количество делегатов записалось в группы, готовившие резолюции антипартийного и антиправительственного характера. Желających заняться вопросами заработной платы, прожиточного минимума, охраны труда нашлось совсем немного». (См. [W. Jaruzelski] *Wyjaśnienia...*)

завода «Урсус» оккупировала Высшую пожарную школу в Варшаве, которая ни много ни мало являлась подразделением Министерства внутренних дел. Выглядело все это в высшей степени вызывающе, но власти на применение силы не пошли, пытаясь договориться с инициаторами захвата. И только после провала переговоров была применена сила. Как правило, «Солидарность» стояла на позиции невозможности соглашения, поскольку была уверена, что власть доживает последние дни. Последний бой Валенса планировал провести в апреле или мае 1982 года, а на 17 декабря лидеры профсоюза назначили масштабную манифестацию в Варшаве и еще нескольких крупных городах, которая, по мысли ее организаторов, должна была перерасти во всеобщую национальную забастовку.

Власть ответила на это эскалацией приготовлений к введению военного положения. Мирный путь к достижению сколько-нибудь внушающих оптимизм договоренностей не просматривался. И все же в ноябре 1981 года была предпринята еще одна попытка достижения компромисса. Переговоры шли на самом высоком уровне. В них участвовали генерал Ярузельский (в начале 1981 г. он был избран Первым секретарем ЦК ПОРП), примас Польши кардинал Глемп и глава «Солидарности» Валенса. Для последнего присутствие в столь элитарной компании само по себе было триумфом, но никакого результата переговоры не дали.

Ранним утром 13 декабря Ярузельский выступил по радио: «Отчизна над пропастью. В преддверии массовых политических демонстраций в центре Варшавы нужно сказать «ХВАТИТ». Мы не должны повторить декабрьскую трагедию 1970 г.»⁵. И далее он объявил, что в соответствии с решением Сейма на всей территории Польши вводится военное положение. Естественно, лидеры оппозиции, к этому времени потерявшие здравый смысл в своих непомерных притязаниях на власть, были отправлены в тюрьмы и лагеря.

Спустя четверть века генерал оценил этот шаг, может быть, излишне пафосно, но очень точно. «Введение военного положения было глубоко осознанным, эмоционально прочувствованным сигналом, который диктовал нам историко-политический момент. Нельзя забывать, что в нашей польской ментальности, в наших генах жив еще культ восстания, жертвенных романтических порывов, апологии мученичества. Это прекрасная патриотическая черта. Бог за нас одержит победу! Пусть Польша знает, какие у нее сыновья. Вспомним, как накануне сентября 1939 г. поляки рвались в бой. А Варшавское восстание 1944 г., обреченное на поражение. Температура осени 1981 г. напоминала все эти исторические события. Политическое настроение и внутреннюю готовность к действию невозможно было в это время контролировать ни власти, ни «Солидарности», ни Костелу»⁶.

После введения военного положения Ярузельский сформулировал главную цель всей политической линии. Заключалась она не в том, чтобы свернуть экономические и социальные преобразования, но приостановить процесс

⁵ W. Jaruzelski, *Stan wojenny. Dlaczego?*, Warszawa 2002.

⁶ Там же.

массового обнищания, не допустить братоубийственной войны, уберечься от интервенции извне.

Объявление военного положения стало для польского общества настоящим шоком, но далеко не все осуждали акцию. Среди среднего и старшего поколения поляков было немало людей, которые в глубине души были даже довольны таким ходом событий. Можно было снова спокойно ходить по улицам, не испытывать едва ли не ежедневно нервных потрясений, мучительно не задумываться над тем, что же будет завтра. Не следует забывать, что польское общество было к этому времени изрядно измучено дороговизной, тотальными дефицитами, ростом преступности. Это вовсе не означает, что военное положение было принято нацией с энтузиазмом. Ни в коем случае. Не обошлось, увы, без жертв и злоупотреблений. Во время военного положения (13 декабря 1981 г. – 22 июля 1983 г.) погибли 9 шахтеров в шахте «Вуек», 3 человека в Люблине в момент уличных беспорядков, по одному человеку погибло в Кракове, Гданьске и Вроцлаве, 1 милиционер погиб в Варшаве⁷.

И все-таки это было меньшее из зол, которые плотно обступили страну в то время. Сегодня совершенно очевидно, что военное положение:

- уберегло Польшу от паралича важнейших государственных функций;
- от братоубийственного конфликта гражданской войны;
- от интервенций стран Варшавского договора, на чем горячо настаивали некоторые высокопоставленные военачальники в СССР, и, как ни странно, политическое руководство и генералитет ГДР.

Военное положение было снято в июле 1983 года. Эти полтора года не прошли бесследно. И власть, и оппозиция в течение этих горьких месяцев глубже осознали вектор движения, который только эволюционным путем должен был привести страну к историческим переменам, и, прежде всего, к демонтажу коммунистических установлений. Понятно стало и то, что без исторических сдвигов в СССР (на эти сдвиги, между прочим, существенно повлияли протестные события в Польше и 1956, и 1970, и 80-х гг.) не удастся добиться положительных результатов в странах социалистического блока в целом.

Военное положение позволило Ярузельскому и его соратникам продолжить и даже углубить реформы. При этом опирался он на авторитет замечательно проявившего себя в этой ситуации Войска Польского, то есть армии. Однако поднять, хоть в какой-то мере, популярность коммунистического режима не удалось.

К 1988 г. стало ясно, что для выхода из кризиса власти необходимо опереться на силы, обладающие действительно всенародной поддержкой. Так «Солидарность» и ее лидер Лех Валенса, которые какое-то время были в тени, вновь вышли на авансцену. Мандат на переговоры с властью Валенса получил в результате тонкого политического маневра. 16 декабря 1988 года в одном из варшавских костелов он при активной помощи церковных иерархов создал Гражданский Комитет. Тем самым ему удалось сместить центр полити-

⁷ M.F. Rakowski, *Jak to się stało*, Warszawa 1991, s. 44.

ческой оппозиции от «Солидарности», которая доминировала на Балтийском побережье, к Гражданскому Комитету, укорененному в Варшаве. Члены этого Комитета сыграли решающую роль в событиях последующего двадцатилетия.

С февраля по апрель 1989 года, года падения берлинской стены, проходили в весьма конструктивном духе, заседания «круглого стола» (власть–церковь–оппозиция), на которых определен был макет будущего политического устройства Польши, основанного на признании принципов парламентской демократии, идейной и духовной толерантности гражданского общества. Эти переговоры позволили Польше мирным и бескровным способом выйти из глухого цивилизационного тупика, стать высоко уважаемым в мире сообществом, а не просто географической частью Европы. Можно смело сказать, что участники переговоров выдержали перед историей труднейший экзамен.

Сегодня, спустя два с лишним десятилетия, введение военного положения и последовавшие за ним события, вновь становятся фактом актуальной политической борьбы. Бывшая еще недавно у власти партия «Право и Справедливость» (Ярослав Качиньский) хочет решительно зачеркнуть все, что связано с Польской народной республикой, объявляя ее историческим недоразумением. Недальновидность и антиисторизм таких интерпретаций мы попытались показать в предложенной читателю статье, источниковой основой которой стали материалы судебного дела, возбужденного в связи с введением военного положения против 88-летнего генерала Войцеха Ярузельского.

Литература

- Волков В.К., *Революционные преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*, „Вопросы истории” 1990, № 6.
- Jaruzelski W., *Stan wojenny. Dlaczego?*, Warszawa 2002.
- Jaruzelski W., *Starsi o 25 lat*, Warszawa 2006.
- Rakowski M.F., *Jak to się stało*, Warszawa 1991.
- Травин Дм., *Два портрета из периода польских реформ*, „Звезда” 2009, № 10.
- Wyjaśnienia gen. Wojciecha Jaruzelskiego złożone przed Sądem Okręgowym w Warszawie w dniach 25 września, 2, 6, 14, 21 i 28 października 2008 roku w procesie dotyczącym wprowadzenia stanu wojennego*, „Przegląd” 2008, nr 46.

Табачников Бронислав Яковлевич – кандидат исторических наук, профессор, засл. Работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой истории философии и культуры Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Martial Law in Poland (1981) and the revolutionary changes in countries of Central and South-East Europe

Abstract

The article analyzes the political situation in Poland in the late 1970s and 80s. The author seeks to identify the reasons behind the imposition of martial law in the country in December of 1981, the event which over time has led to the dismantling of the socialist establishment in Poland and other Warsaw Pact countries.

Bronisław Jakowlewicz Tabacznikow

dr nauk historycznych, profesor, odznaczony nagrodami państwowymi i resortowymi, kierownik Katedry Historii Filozofii i Kultury Obwodowego Instytutu Podwyższenia Kwalifikacji Pracowników Oświaty w Woroneżu (Federacja Rosyjska)